

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЛОССКОГО

Широкие православные русские круги ценят Владимира Лосского как православного догматиста и редкого знатока восточного святоотеческого наследия. В нем также ценят и любят верного свидетеля истины Православной Церкви, борца за каноническую правду, преданного сына нашей Матери-Церкви — Московского Патриархата. Однако в русской среде он гораздо менее известен в качестве православного свидетеля в мире западном, и именно поэтому мне хотелось бы кратко сказать об этом аспекте его деятельности.

В течение многих лет Владимир Лосский работал над большим трудом о выдающемся мистике средневековой Германии, Мейстере Экхарте. Для многих русских труд, посвященный лицу, чуждому их Церкви, на первый взгляд духовно никакого отношения к ней не имеющему, казался напрасной тратой богословского дара, и тратой тем более ощутимой, что наши возможности в этой области ограничены настолько, что целые области православного учения остаются неосвещенными за отсутствием работников, способных ими заняться.

Однако сам Лосский видел вещи в несколько ином свете. Для него изучать Мейстера Экхарта означало также служить Православии. В его представлении только подобные труды, посвященные духовным реальностям Запада, способны открыть доступ православному свидетельству, вскрывая из недр самого Запада родственные ему темы и реальности, которые тем не менее выходят за обычные рамки римской схоластики и догматики, что в известной степени мы и обнаруживаем в мистике немецкого средневековья.

Как настоящий ученый и исследователь, привыкший работать над источниками, Владимир Лосский должен был посвятить многие годы изучению Экхарта. Однако эту работу он считал лишь подготовкой к труду более обширному и значительному — сравнительному исследованию двух феноменов XIV века, в плане историческом один от другого, конечно, не зависящих, но часто совпадающих в своей духовной проблематике: немецкая мистика, кульминирующая у Мейстера Экхарта, и афонский исихазм, богословское осознание которого связывается с именем святителя Григория Паламы. Владимир Лосский намеревался показать, как часто Экхарт и его школа в своей мистической интуиции были близки основным темам паламизма, как они пытались освободиться от латинской средневековой схоластики и в то же время как филиоквизм, оставшийся их основной догматической установкой, мешал им понять и полностью разрешить эти богословские и духовные проблемы. Выявление подобным образом всего значения *Filioque* как основного корня богословских и духовных расхождений между христианским Востоком и Западом представляется мне самой большой заслугой Владимира Лосского, с точки зрения православного богословия, и поэтому, с точки зрения хотя и чисто человеческой, мы так жалеем о том,

В 1983 году были две знаменательные даты, связанные с именем выдающегося русского православного богослова Владимира Николаевича Лосского: 25-летие со дня кончины (7.II.1958) и 80-летие со дня рождения (8.VI.1903). Данная статья печатается в переводе с французского из «Вестника Русского Западно-Европейского Экзархата» (Париж, 1953, № 30—31, с. 95—98), посвященного памяти Владимира Лосского.

что со всей свойственной ему необходимой научной точностью он не смог довести до конца сравнительного изучения исихазма и немецкой мистики XIV века. Без всякого преувеличения мы можем сказать, что один только Владимир Лосский был способен осуществить подобное дело, потому что никто ни из среды богословов православных, ни из среды богословов западных не обладает одновременно столь глубоким и непосредственным знанием этих двух духовных миров: мира мистического богословия византийского и мира схоластики и мистики западного средневековья.

Глубокое знание Владимиром Лосским богословских течений Запада чрезвычайно поражало западных ученых. Я вспоминаю его великолепный доклад в сентябре 1955 года на Втором Международном конгрессе патологов в Оксфорде. Слушатели были буквально потрясены колоссальной эрудицией, которую развернул Владимир Лосский в первой части своего доклада: он показал ошибочность суждений римско-католических богословов XVI и XVII веков, в частности неизвестного Дионисия Петавия, обвинявших в ереси почти всех восточных отцов: святителей Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Златоуста и многих других — за то, что их творения содержат учение о непостижимости и недостижимости Божественной сущности, никак не согласующееся с концепциями Фомы Аквинского. Только впоследствии, поняв несостоятельность подобного обвинения, Петавий направил все свои нападки на одного святителя Григория Паламу, хотя в его учении «о сущности и энергиях» нет ничего, что не было бы уже сказано отцами древности.

Необходимо уточнить, что знание Владимиром Лосским латинской схоластики никак не отразилось на его богословском мышлении, как это произошло в XVII веке с русскими богословами на Украине, и не привело его к какому бы то ни было компромиссу или богословскому синкретизму; напротив, это знание дало ему возможность наилучшим образом защищать православные позиции в среде инославной, обнаруживать отклонения от подлинного Предания Церкви и в то же время быть лучше понятым западными учеными. Как не вспомнить по этому поводу многократные выступления Владимира Лосского на ежегодных конгрессах содружества святого Албания и святого Сергия в Англии?! Там он был истинным борником веры и ревнителем Православия. Ему приходилось сражаться одновременно на «два фронта»: на одном — против отклонения от Православия, на другом — против богословской нечеткости и путаницы в учении, излагаемом самими православными. Я, например, помню, как во время одного из конгрессов хорошо известный англиканский богослов Е. Маскалл, парадоксальным образом сочетающий искреннюю симпатию к Православию с томистским образом мыслей, в своем докладе развивал идею о том, что в будущем веке видение Бога будет состоять для человека в его соучастии видению Сыном Божества Отца,— тема, вдохновленная Фомой Аквинским. Владимир Лосский немедленно возразил, что он видит в этой концепции смесь оригеновского субординационизма с несторианским разделением Христа на две личности (иначе говоря, искажение и триадологии, и христологии). Однако тот же Маскалл очень ценил четкость богословских формулировок Владимира Лосского и непрестанно противопоставлял их расплывчатости и путанице «софиологических» течений русской религиозной философии.

Владимир Лосский никогда не разделял концепций отца Сергия Булгакова. Мы знаем, что он издал проникновенный очерк булгаковской доктрины о Софии, проанализировав в нем учение отцов о соотношении природы и ипостаси и раскрыв спорный характер учения отца Сергия Булгакова. Однако верность церковному Преданию никогда не вырождалась у Владимира Лосского в статический консерватизм, интеллектуальную пассивность или обрядовые привычки, так же как ясность и сила его мысли никогда не становились упрощенным интеллектуализмом. Его

традиционность и «патристическое устройство» носили динамический и творческий характер верности живому, Духом Святым движимому Преданию в призвании непрестанно обновляющимся ходом творческой мысли продолжать богословский труд отцов Церкви. «Апофатизм» его богословствования, «антиномичность» его мышления были очень далеки от схоластических схем, и он не прекращал своей борьбы против какой бы то ни было попытки ввести их в православное учение.

Все эти столь различные аспекты богословской деятельности Владимира Лосского обретали свое единство и свою плодотворность в одном, едином источнике: его глубоко и живом благочестии, его всецелой «вовлеченности» человека церковного. Молитва Церкви не только укрепляла и питала его мысль, но и формировала его духовную сущность подлинного христианина.

Конечно, с точки зрения естественно-человеческой, с чувствами чисто человеческими, размышляя о его смерти, мы не можем не сожалеть о том, то ему не пришлось еще в жизни сей в полной мере приумножить дарованный ему Богом богословский «талант». Но потому именно, что его богословие, будучи строго научным, было богословием духовным и мистическим, мы не можем не преклоняться молчаливо и благоговейно перед непостижимой тайной Бога, призвавшего его к Себе столь неожиданно для нас. Мы размышляем над его внезапной кончиной, и нам приходит на ум древнее выражение святых отцов: «Если ты богослов — молитва твоя истинна, если молитва твоя истинна — ты богослов». Так Владимир Лосский, человек молитвы и богословия, навсегда обретает для нас предельную значимость своими научными трудами и своей чистой молитвой пред Богом.

**ВАСИЛИЙ, архиепископ
Брюссельский и Бельгийский**